

Джулиан Патрик Барнс
Любовь и так далее
Серия «Большой роман»
Серия «Как все было», книга 2

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43649831

Любовь и так далее: Иностранка, Азбука-Аттикус; М.; 2019

ISBN 978-5-389-17133-6

Аннотация

Лауреат Букеровской премии Джулиан Барнс – один из самых ярких и оригинальных прозаиков современной Британии, автор таких международных бестселлеров, как «Одна история», «Шум времени», «Предчувствие конца», «Артур и Джордж», «История мира в 10 1/2 главах», «Попугай Флобера» и многих других. Возможно, основной его талант – умение легко и естественно играть стилями и направлениями. Тонкая стилизация и едкая ирония, утонченный лиризм и доходящий чуть ли не до цинизма сарказм, агрессивная жесткость и веселое озорство – Барнсу подвластно все это и многое другое. «Любовь и так далее» – это «очередная демонстрация высшего литературного пилотажа, на уровне Набокова и Апдайка» (*Book*); это продолжение истории, начатой в романе «Как все было», так же составленное исключительно из монологов

и высказываний очевидцев – тех самых, которые, согласно известной русской поговорке, так замечательно врут. Итак, по прошествии лет любовный треугольник получает новое развитие, когда в жизнь философа-неудачника Оливера и художницы-реставратора Джиллиан возвращается из Америки Стюарт – уже не скромный банковский служащий, но владелец собственного бизнеса... *Роман публикуется в новом переводе.*

Содержание

1	9
2	19
3	28
4	33
5	48
6	64
7	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Джулиан Барнс

Любовь и так далее

© Е. С. Петрова, перевод, примечания, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

* * *

Очередная демонстрация высшего литературного пилотажа, на уровне Набокова и Апдайка.

Book

Этот роман – словно шоколадка-валентинка от бывшей подруги: не знаешь, то ли начать немедленно смаковать, то ли просветить рентгеном.

The Atlantic Monthly

Барнс рос с каждой книгой – и вырос в лучшего и тончайшего из наших литературных тяжеловесов («Любовь и так далее» не даст соврать). Читатель давно и прочно сроднился с его сюжетными и стилистическими выкрутасами и не променяет их ни на что.

The Independent

Подобно чревовещателю-виртуозу, Барнс населяет свой роман целой галереей тщательно проработанных образов, каждый со своим неповторимым голосом.

Baltimore City Paper

Любителей изящной, умной и афористичной прозы Барнс никогда не разочарует.

The Gazette

Барнс – непревзойденный мастер иронии. Все детали современной жизни он улавливает и передает со сверхъестественной тщательностью.

London Review of Books

Тонкий юмор, отменная наблюдательность, энергичный слог – вот чем Барнс давно пленил нас и продолжает пленять.

The Independent

Фирменное барнсовское остроумие ни с чем не спутаешь.

The Miami Herald

В своем поколении писателей Барнс, безусловно, самый изящный стилист и самый непредсказуемый мастер всех мыслимых литературных форм.

The Scotsman

Джулиан Барнс – хамелеон британской литературы. Как только вы пытаетесь дать ему определение, он снова

меняет цвет.

The New York Times

Как антрепренер, который всякий раз начинает дело с нуля, Джулиан никогда не использует снова тот же узнаваемый голос... Опять и опять он изобретает велосипед.

Джей Макиннерни

Лишь Барнс умеет с таким поразительным спокойствием, не теряя головы, живописать хаос и уязвимость человеческой жизни.

The Times

По смелости и энергии Барнс не имеет себе равных среди современных британских прозаиков.

New Republic

Современная изящная британская словесность последних лет двадцати – это, конечно, во многом именно Джулиан Барнс.

Российская газета

Тонкая настройка – ключевое свойство прозы букеровского лауреата Джулиана Барнса. Барнс рассказывает о едва уловимом – в интонациях, связях, ощущениях. Он фиксирует свойства «грамматики жизни», как выразится один из его героев, на диво немногословно... В итоге и самые обыденные человеческие связи оборачиваются в его прозе

симфонией.

Майя Кучерская

(Psychologies)

* * *

Посвящается Пат

1

Я помню тебя

СТЮАРТ: Привет!

Мы когда-то пересекались. Стюарт. Стюарт Хьюз.

Уверен, естественно. На все сто. Лет десять назад.

Ничего страшного... бывает. Не надо делать вид. Главное – я помню тебя. Уж кого-кого, а *тебя-то* я помню. Мне ли не помнить? Кстати, если вдуматься, прошло даже не десять лет, а десять с гаком.

Ну да, я изменился. Еще бы. Во-первых, весь седой. Теперь даже не сказать «перец с солью», верно?

Да и вы все, между прочим, уже не те. Сами-то небось думаете, что законсервировались. Отнюдь нет, поверьте.

ОЛИВЕР: Чья там рожа за пригорком, чей там пенис над ведерком? Чье так лихо бьет копыто в теплом стойле у корыта? Неужто это мой добрый старый – старый в смысле стародавний – знакомец Стюарт?

«Я помню тебя». Стюарт в своем репертуаре. Он так стар... так суперстар-о-моден, что любит отстойный музон еще древнее самого себя. Нет, понятно, что балдеть от Рэнди Ньюмана или Луиджи Ноно с их пошлыми песенками – ровесницами первичного набухания твоих органов сладостра-

ствия – это одно дело. Но балдеть под томные трели допотопного пляжного аниматора – как же это мило, как по-стюартовски трогательно, вы не находите?

И нечего изображать удивление. Фрэнк Айфилд. «Я помню тебя». Или, если буквально: «*I remember you* (уу-уу) / *All my dreams come true* (уу-уу)», точно? Одна тысяча девятьсот шестьдесят второй. Австралиец-йодлер в овчинном полуперденчике? Йо-йо-йо. Йодль-ля-ми-ре. Классный был ходячий социологический парадокс. Не в обиду будь сказано нашим загорелым-угорелым сородичам с Бонди-бич. В контексте всеобщего заискивания перед каждой субкультурой боже меня упаси сказать что-нибудь против австралийца-йодлера *per se*¹. Ты и сам, возможно, от него недалеко ушел. Прижечь тебя йодом – завоешь йодлем. Так что лучше уж я установлю с тобой доверительный визуальный контакт и политкорректно протяну руку. А потом приглашу во всеенское людское братство. Вместе с каким-нибудь швейцарцем-крикетистом.

А ты – по счастливому стечению обстоятельств – как раз окажешься швейцарцем и крикетистом, отделившимся от клуба «Бернский Оберланд», и тогда я, с твоего позволения, просто скажу: в шестьдесят втором году Битлы уже раскрутились до сорока пяти оборотов в минуту, а наш Стюарт по сей день напевает Фрэнка Айфилда. У меня все, ваша честь.

Кстати, я – Оливер. Да, понимаю, что ты это понимаешь.

¹ Как такового (лат.).

Я сразу заметил, что *ты* помнишь *меня*.

ДЖИЛЛИАН: Джиллиан. Может, помните меня, может, нет. Какие-то проблемы?

Надо понимать: Стюарт ищет одобрения, во что бы то ни стало хочет его завоевать, а Оливер даже в страшном сне не станет этого добиваться. Меня сверлят скептическими взглядами. Но я, если честно, не первый год наблюдаю, как окружающие вспыхивают неприязнью к Оливеру – и тут же поддаются его чарам. В общем, мое дело – предупредить.

А что я? Наверно, я бы предпочла, чтобы меня воспринимали позитивно, и никак иначе, но ведь это нормально, правда? Смотря, конечно, каковы при этом *вы сами*.

СТЮАРТ: У меня той песни даже в мыслях не было.

ДЖИЛЛИАН: Слушайте, я, вообще говоря, уже дергаюсь. У Софи сегодня урок музыки. Но Стюарт и Оливер всегда виделись мне противоположными полюсами... даже не знаю, чего... взросления, что ли. Стюарт считал, что повзрослеть – значит вписаться, снискать расположение других, занять свое место в обществе. А Оливер этим не озабочивался, самоуверенности ему всегда хватало. Как называются растения, которые поворачиваются вслед за солнцем? *Гелио*... что-то в этом духе. Вот таким и был Стюарт. А Оливер...

ОЛИВЕР: ...сам по себе был *le roi soleil*...² в точку? За последние годы это лучший родственный комплимент. Как только не называли меня в этой подлунной клетушке, имеваемой жизнью, но король-солнце — это что-то новенькое. Феб. Фе, фи, фу-ты ну-ты...

ДЖИЛЛИАН: ...*тропы*. Гелиотропы, вот как они называются.

ОЛИВЕР: Заметили, как переменилась Джиллиан? Как она легко навешивает ярлыки? Не иначе как в ней заговорила французская кровь. Она ведь наполовину француженка — припоминаете? «Наполовину француженка по материнской линии»: по логике вещей это должно означать «француженка на четверть», ты согласен? Но, как вопрошают все великие моралисты и философы, что общего у логики с жизнью?

Так вот: будь Стюарт наполовину французом, в шестьдесят втором году он бы насвистывал галльскую версию «Let's Twist Again», подтягивая Джонни Холлидею, точно? Меткое *pensée*³. А вот еще одно: Джонни Холлидей был наполовину бельгийцем. По отцовской линии.

СТЮАРТ: В шестьдесят втором мне было четыре года.

² Король-солнце (*фр.*).

³ Наблюдение, размышление (*фр.*).

Это так, для справки.

ДЖИЛЛИАН: Никогда не замечала, что навешиваю на людей ярлыки. Но коль скоро есть в этом мире двое людей, которых я понимаю, то это Стюарт и Оливер. Как-никак за обоих сходила замуж.

СТЮАРТ: Логика. Здесь действительно прозвучало это слово? Приведу вам пример логики. Ты уезжаешь, и все мнят, будто ты законсервировался. Это самая дурная логика, с какой я только сталкивался за долгие годы.

ОЛИВЕР: Не поймите превратно насчет *les Belges*⁴. Когда какой-нибудь салонный патриот надсадно требует: «Назовите хотя бы шестерых известных бельгийцев», я – единственный – тяну руку. Даже если вдогонку добавляют: «не считая Сименона».

Наверное, дело не в том, что в Джиллиан говорит французская кровь. Весьма вероятно, что в ней говорит кризис среднего возраста. Кое с кем такое случается, но совсем не обязательно с нами. Для Джилл поезд прибыл на станцию более или менее вовремя, его любимец-свисток захлебывается, перегретый котел даже слегка фырчит. А теперь прикиньте: у Стюарта кризис среднего возраста налицо, и единственное, о чем можно спорить, – наступил ли он до или по-

⁴ Бельгийцев (*фр.*).

сле угасания половой функции? Видели фото, на котором он лежит в коляске, наряженный в костюмчик-тройку, но в полосатом подгузнике?

А что Оливер? Оливер давно пришел к убеждению... нет, интуитивно понял, что кризис среднего возраста – это недостойно, не комильфо и вообще ниже всякой критики. Оливер планирует ужать средний возраст до одного-единственного вечера, когда сляжет с мигренью. Он ценит молодость, он ценит мудрость и перейдет от мудрой юности к юношеской мудрости с помощью пригоршни парацетамола и маски для сна от какой-нибудь экзотической авиакомпании.

СТЮАРТ: У кого-то сказано, что личность, маниакально заикленная на собственном эго, распознается по одному простому признаку: по высказываниям о себе в третьем лице. Уже ни одна особа королевской крови не говорит о себе во множественном числе. А спортсменам и рок-идолам подавай третье лицо, для них это норма. Не замечали? Допустим, какого-нибудь имярека Бобби критикуют за то, что он добился назначения пенальти неспортивными методами, а тот отвечает: «Нет, имярек Бобби на такое неспособен». Как будто у него есть тезка – вот пусть тот отмывается и расхлебывает.

Но с Оливером все не так. Его нельзя безоговорочно отнести к знаменитостям, правда? А он все равно величает себя Оливером, как олимпийский чемпион. Или шизофреник.

ОЛИВЕР: А что вы думаете о реструктуризации долговых обязательств между Севером и Югом? О перспективах евро? Об улыбке на мордах четырех тигриц экономики? Удалось ли экзорцистам рынка металлов изгнать жуткий призрак финансового коллапса? Не сомневаюсь, что у Стюарта готова аргументированная, солидная лекция по каждому из пунктов. Быть может, в чем-то проходная. Готов поспорить на шестерку знаменитых бельгийцев: он не знает всех значений этого слова. Он из тех, кто ожидает после «проходная» услышать «рыба семейства лососевых», потому и молчит как рыба. Образчик благоразумия. Которому чуть-чуть не достает... скажем так... самоиронии?

ДЖИЛЛИАН: Эй, прекратите. Умолкните оба. Все равно ничего не докажете. Как по-вашему, какое вы производите впечатление?

ОЛИВЕР: Ну, что я говорил? Паровоз приближается: чух-чух-чух...

ДЖИЛЛИАН: Если мы опять за старое, давайте играть по правилам. Разговоры о нас самих – под запретом. Короче: кто сегодня везет Софи на музыку?

ОЛИВЕР: Джиллиан, если кто не понял, выступает почет-

ным представителем программы «Мужчины угадывают».

СТЮАРТ: Вас интересует свинина? Натуральная, с натуральным вкусом. Каково наше отношение к ГМО?

ОЛИВЕР: Шестерых, не считая Сименона? Проще простого: Магритт, Сезар Франк, Метерлинк, Жак Брель, Дельво и Эрже, создатель Тинтина. Плюс, добавлю в качестве *pourboire*⁵, пятьдесят процентов Джонни Холлидея.

ДЖИЛЛИАН: Да хватит вам! Оба хороши. Сами не понимаете, о чем у вас разговор. Слушайте, я считаю, нам требуется кое-что прояснить.

СТЮАРТ: «Оба хороши». Вопрос, я считаю, спорный. В данной ситуации.

Ну ладно, постараюсь кое-что прояснить. На самом деле Фрэнк Айфилд не австралиец. Допустим, жил он в Австралии, но родился-то в Англии. Если вам интересно – в Ковентри. И к слову сказать, песню «I Remember You» сочинил Джонни Мерсер двадцатью годами ранее. Ну почему снобы-интеллигенты вечно поносят то, в чем ни бельмеса не смыслят?

ОЛИВЕР: *Кое-что прояснить?* Нельзя ли оставить это

⁵ Завершения (*фр.*).

до *Dies Irae*⁶, когда какой-нибудь демон проткнет нас своим змееподобным членом, чтобы ящерица с головой летучей мыши намотала наши кишки на лебедку? Выразаться яснее? По-вашему, это и впрямь необходимо? У нас тут не дневное ТВ и уж тем более не римский сенат. Ну хорошо. Давайте я тогда и начну.

СТЮАРТ: Не вижу причин ему потакать. Оливер в своем репертуаре. А кроме того, любому, кто связан с маркетингом, известно, что в сознании фиксируется именно первый сюжет.

ОЛИВЕР: Чур, я первый. Чурики-чурики-чурики.

ДЖИЛЛИАН: Оливер, тебе сорок два года. Какие могут быть чурики?

ОЛИВЕР: Тогда спрячь свою улыбочку. Чур-чура. Чурики-чурики-чурики-мазурики. Давай посмейся. Ты же еле сдерживаешься. Ну пожалуйста. Пожаааалуиста.

СТЮАРТ: Если это – единственная альтернатива, уж лучше я буду в кризисе среднего возраста. По официальным или неофициальным данным.

⁶ День гнева, Судный день (лат.).

ОЛИВЕР: О, маркетинг! Моя всегдашняя ахиллесова пята. Отлично, пускай первый этап бежит Стюарт, если ему так приспичило, и несет эстафетную палочку правды. Смотри не урони, Стюкнутый! И не заступай на чужую дорожку. А то нашу команду дисквалифицируют. Ты же этого не хочешь? Тем более на первом этапе.

Пусть бежит первым, мне все равно. Я только выскажу одну маленькую просьбу – не в угоду эгомании, шкурным интересам или маркетингу, а просто исходя из требования приличий, искусства и неприятия любой банальности. Пожалуйста, не называй эту свою первую историю «На данный момент». Очень прошу. Пожалуйста. Ну пожаааалуйста, ладно?

2

На данный момент

СТЮАРТ: Не ручаюсь, что у меня хорошо получится. Могу перепутать последовательность событий. Так что запаситесь терпением. Но все-таки, с моей точки зрения, вам стоит выслушать меня первым.

С Оливером мы учились в одном классе. И были лучшими друзьями. Потом я работал в клиринг-банке. А Оливер преподавал английский как иностранный. Я познакомился с Джиллиан. Она занималась реставрацией картин. Как, впрочем, и сейчас. Мы с ней стали встречаться, полюбили друг друга, поженились. Я ошибочно решил, что это конец истории, но оказалось, это только начало. Думаю, такая ошибка свойственна многим. Слишком мы насмотрелись фильмов, начитались книжек, наслушались родителей. И произошло это все лет десять назад, когда нам едва стукнуло тридцать. А нынче... ладно, вижу, вы способны сами прикинуть.

Оливер ее у меня увел. Хотел присвоить мою жизнь — и присвоил. Влюбил в себя Джилл. Каким образом? Не знаю и знать не хочу. Думаю, что никогда и не захочу. Когда я в свое время заподозрил, что дело нечисто, меня сводил с ума один вопрос: трахаются они или нет? Я ведь просил вас мне ответить, помните? Умолял: ну правда же они трахаются?

Как сейчас помню. Вы так и не ответили, а теперь я даже благодарен.

В ту пору я слегка помешался. Ну это закономерно, вполне понятно, да? Оливеру я дал по морде – чуть нос ему не сломал. А потом явился без приглашения к ним на свадьбу и устроил небольшую заварушку. Через некоторое время уехал в Штаты. Добился перевода по работе. В Вашингтон. Как ни смешно, я поддерживал контакт с одним-единственным человеком – с мадам Уайетт. Это матушка Джиллиан. Только она и заняла мою сторону. Мы стали переписываться.

Через некоторое время я полетел во Францию, чтобы с ними увидеться. Если быть точным, я их увидел, а они меня нет. У них посреди деревушки вспыхнул неприкрытый скандал. Оливер залепил Джилл пощечину, изо всех окон на них тайком глазели соседи. Как и я сам. Небольшая гостиничка, где я остановился, располагалась как раз напротив.

После этого я вернулся в Штаты. Сам не знаю, чего я ждал от той поездки... что рассчитывал найти... но только лучше мне не стало. Стало ли хуже? Им, конечно, тоже лучше не стало. Меня на самом деле доконал ребенок. Если бы не ребенок, я, возможно, и смог бы добиться своего.

Не помню, рассказывал я об этом в то время или нет, но, когда распался мой брак, я начал пользоваться платными секс-услугами. Не слишком этого стыжусь. Пусть другие стыдятся того, как со мной обошлись. Проститутки называ-

ют свой род занятий работой. «Работаешь?» – так обычно звучал мой первый вопрос. Не знаю, возможно, теперь уже говорится по-другому. Я сейчас далек от этого мира.

Но просто занятно: в ту пору я днем окунался в ту работу, что приносила доход, а вечером – в ту «работу», что приносила удовольствие. И оба эти мира знал довольно хорошо. Люди, знакомые только с одним из этих миров, считают, что именно в нем человек человеку – волк. Что банкир в сером костюме непременно разведет тебя на деньги, а обильно политая духами шлюха, завидев твою кредитку, окажется бразильцем-транссексуалом. Ну я вам так скажу. В большинстве случаев кто платит, тот заказывает музыку. В большинстве случаев уговор дороже денег. В большинстве случаев обещанного три года не ждут. В большинстве случаев людям можно доверять. Я не призываю оставлять на столе раскрытый бумажник. Я не призываю раздавать направо и налево чеки с непроставленной суммой и отворачиваться в самый неподходящий момент. Но тебе хотя бы понятно, на каком ты свете. В большинстве случаев.

Нет, настоящее предательство совершается друзьями и любимыми. Принято считать, что в дружбе и любви человек меняется к лучшему, так? Однако мой опыт показывает обратное. Доверие ведет к предательству. Скажу больше: доверие подталкивает к предательству. В ту пору я увидел это своими глазами, усвоил как дважды два. На данный момент это и есть моя история.

ОЛИВЕР: Признаюсь, я задремал. *Et tu?*⁷ О нарколептический, курдючный Стюарт, субъект помраченного сознания и сложенного из «Лего» *Weltanschauung*⁸. Нельзя ли нам рассмотреть этот вопрос в более долгосрочной перспективе? Мой герой – Джоу Эн-лай. Позднее превратившийся в Чжоу Эньлая. «Каковы, по-вашему, были последствия Французской революции?» На что сей мудрец ответил: «Еще слишком рано судить».

Если такой олимпийский или конфуцианский взгляд нам недоступен, давайте, что ли, немного расширим горизонты, введем градации оттенков, какие-нибудь смелые сопоставления красок? Разве каждый из нас не создает повесть своей жизни простым движением вперед? Но увы, отнюдь не каждая повесть пригодна к публикации. А ведь как ширится самотек! «Ожидайте, мы вам перезвоним»... нет, по зрелом размышлении мы вам не перезвоним.

Однако не спешите с выводами насчет Оливера – я уже предупреждал. Оливер не сноб. Во всяком случае, в прямом линейном смысле слова. Просто есть одна загвоздка, причем ее составляет не тематика подобных произведений и не общественное положение героев. «Историю клопа можно изложить с таким же блеском, как жизнеописание Александра Македонского, просто финал будет иным». Меткое изрече-

⁷ И ты? (*фр.*)

⁸ Миропонимание, мировоззрение (*нем.*).

ние, согласны? От нас требуется чувство формы, самоконтроль, отбор фактов, умолчание, аранжировка, эмфаза... и все это зовется одиозным словом из трех букв: арт. История нашей жизни – это всегда повесть, но ни в коем случае не автобиография, и здесь кроется самая распространенная ошибка. Наша память – всего лишь очередная ловушка; ну же, соглашайтесь. А вторая ошибка – считать, будто скрупулезное припоминание ранее увековеченных подробностей, уместное, быть может, в пивной, вряд ли породит текст, способный привлечь в должной мере взыскательного, какой еще иногда встречается, читателя. С чьих уст закономерно слетает вечный вопрос: зачем ты меня этим грузишь? Если это сеанс арт-терапии, не жди, что читатель будет оплачивать счета от психиатра. То есть я пытаюсь вежливо сказать, что повесть о жизни Стюарта, если откровенно, непригодна к опубликованию. Я проверил ее по первой главе – обычно этого мне достаточно. Изредка для смеха пробегаю глазами еще и последнюю страницу, просто чтобы подтвердить свое впечатление, но в данном случае это выше моих сил. Не думайте, что я жесток. Или хотя бы признайте, что я жесток, но справедлив.

А если по существу дела. Каждая любовная история начинается с преступления. Согласны? Где ты найдешь *grandes passions*⁹, терзающие сердца невинных и неприкаянных? Разве что в средневековых романах да в отроческих фантазиях.

⁹ Великие страсти (*фр.*).

Но чтобы у взрослых людей? Между тем, как напомнил вам наш карманный справочник-Стюарт, в ту пору нам уже было тридцать с гаком. У каждого есть кто-то, либо частица кого-то, либо ожидание кого-то, либо воспоминание о ком-то, которые человек сбрасывает со счетов, то есть попросту предает после встречи с мистером, мисс, миз или, как в данном случае, миссис Вот-Оно. Правда ведь? Мы, конечно, вычеркиваем собственное предательство, стираем вероломство и, заглядывая в прошлое, находим там свою душу в виде *tabula rasa*¹⁰, на которой пишется обвинительная повесть о великой любви – полная фигня, разве нет?

А коль скоро каждый из нас – преступник, вправе ли один судить другого? Разве мой случай более вопиющ, чем ваш? Когда я познакомился с Джиллиан, у меня были отношения с некой сеньоритой, соотечественницей Лопе, носившей имя Розы. Отношения неудовлетворительные, но сказать о них необходимо, да? У Стюарта в момент знакомства с Джиллиан, конечно же, были отношения с целым балетным училищем фантазий и порножурналом сожалений. А у Джиллиан в момент нашего с ней знакомства были недвусмысленные и, более того, узаконенные отношения с вышеупомянутым Стюартом. Скажете, все это относительно, а я отвечу: нет, все это абсолютно.

А если ты в своей настырной крючкотворской манере станешь выдвигать обвинения, мне нечего будет ответить, кро-

¹⁰ Чистой таблички (лат.).

ме как *mea culpa*¹¹, *mea culpa*, *mea culpa*, притом что я, к примеру, не травил курдов нервно-паралитическим газом, ведь так? Дополнительно или взамен, как раздвоенно выражаются присутствующие здесь юристы, могу заявить, что произошедший в сердце Джиллиан обмен Стюарта на Оливера оказался – хотя вы, двуногие языкастые особи в париках и атласных мантиях, избегаете подобных формулировок – не столь уж большим злом. Она, как говорится, повысила свои акции.

Ладно, это дело прошлое, с тех пор минула четверть нашей жизни. Не вспоминается ли сейчас выражение *fait accompli*?¹² (Не стану испытывать судьбу, говоря *droit de seigneur* или *jus primae noctis*¹³.) Кому-нибудь из вас доводилось слышать такой термин: исковая давность? Насколько мне известно, по закону она равняется семи годам, вне зависимости от общего числа неправомерных действий и преступлений. А распространяется ли закон об исковой давности на хищение чужой жены?

ДЖИЛЛИАН: Знакомые спрашивают, хотя и не всегда в лоб, как я ухитрилась полюбить Стюарта и выйти за него замуж, а вслед за тем полюбить Оливера и, едва завершив предусмотренные законом формальности, выйти за него. Ответ: да как-то так. Повторять этот опыт не советую, но, руча-

¹¹ Моя вина (*лат.*).

¹² Свершившийся факт (*фр.*).

¹³ Оба выражения означают «право первой ночи» (*фр. и лат.*).

юсь, такое возможно. Как эмоционально, так и юридически.

Я искренне любила Стюарта. Запала на него попросту, без затей. Мы не ссорились, в постели все получалось, я радовалась тому, что он меня любит, – вот и все. А потом, когда мы уже зарегистрировали брак, я полюбила Оливера, причем отнюдь не попросту, а очень сложно, вопреки своим предчувствиям и разуму. Я упиралась, противилась, мучилась небывалыми угрызениями совести. И в то же время ощущала в себе небывалое волнение, небывалый прилив жизненных сил, небывалую сексуальность. Нет, у нас не завязалась, по выражению некоторых, «интрижка». Из-за того что я наполовину француженка, окружающие стали перешептываться насчет *ménage à trois*¹⁴. Но наши отношения даже близко к тому не стояли. Во-первых, все было куда примитивнее. А во-вторых, мы с Оливером сошлись лишь после того, как разбежались мы со Стюартом. Почему все вокруг такие специалисты в том, чего не знают? Каждый вещал, что причиной стал исключительно секс, что Стюарт слабоват в постели, а Оливер – гигант, а я только с виду такая разумная, но на деле – вертихвостка, потаскуха и просто стерва. Короче, если кому интересно: когда мы с Оливером впервые легли в постель, у него от нервозности первой ночи произошел сбой, и между нами вообще ничего не было. Вторая ночь оказалась ненамного лучше. Ну, потом как-то приноровились. В некотором странном роде он по этой части скромнее Стюарта.

¹⁴ Связь втроем (*фр.*).

Оказывается, возможно любить двоих — и последовательно, и параллельно, как случилось со мной. Любить этих двоих можно по-разному. И это не значит, что одна любовь подлинная, а другая фальшивая. К сожалению, мне не удалось растолковать это Стюарту. Каждого из двоих я любила по-настоящему. Не верите? Ну и не надо, я не собираюсь никому ничего доказывать. Я просто говорю: с вами такого не случилось, да? А со мной вот случилось.

Оглядываясь назад, могу только удивляться, почему такие истории — большая редкость. Много позже моя мать прокомментировала, как бы между прочим, совсем другую ситуацию, затронувшую не то двоих, не то троих, и сказала она так: «Сердце было создано нежным, а это опасно». Мысль была мне ясна. Кто любит, тот рискует влюбиться. Ну, не жуткий ли парадокс? Не жуткая ли истина?

3

Где мы остановились?

ОЛИВЕР: Где мы остановились? Недавно? Давно? Но... Заметьте, кстати: каждое последующее из этих трех слов, как ни удивительно, включает в себя предыдущее и, сбрасывая буквы, символизирует ощущение потери, какое мы испытываем всякий раз, когда бросаем орфеевский взгляд через плечо. Щемящее убывание, если вдуматься. Рассмотрите и сопоставьте – как раньше говорили педагоги – биографии ведущих английских поэтов-романтиков. Для начала дайте списком фамилии, расположив их в порядке убывания длины: Вордсворт, Кольридж, Шелли, Китс. А теперь обратите внимание на даты жизни: 1770–1850, 1772–1834, 1792–1822, 1795–1821. Какое упоение для нумеролога и магистра тайного знания! У кого фамилия самая длинная, у того и самая длинная жизнь; у кого самая короткая фамилия, у того и самая короткая жизнь, а между ними – по убывающей. Что еще поразительнее: родившийся раньше других умирает последним, родившийся позже других умирает первым! Они выстроились по ранжиру, как матрешки. Невольно уверуешь в Божий промысел, да? Или, по крайней мере, в Божественное совпадение.

Так на чем мы остановились? Ладно, в виде исключения

сыграю в игру «уточним подробности». Вообразим, что память сверстана как газета. Отлично: просматриваю новости из-за рубежа, цветные иллюстрации, добираюсь до самого низа газетной полосы – и что я вижу: «Конфликт в деревне Минервуа: жертв нет».

В тот момент, наугад выбранный для кропотливого поиска уточнений, я как раз исчезал из вашего поля зрения (ты, вероятно, понадеялся, что навсегда; у тебя, вероятно, вырвалось: «Катись подальше», небрежно брошенное вслед моим беззащитным лопаткам), сворачивая за угол у *Cave Coopérative* в своем надежном «пежо». Модель 403, наверняка помните, да? Решетка радиатора крошечная, как глазок тюремной камеры. Фирменная зеленовато-серая раскраска, характерная для эпохи, не иначе как ожидающей своего возрождения. А вас не раздражает, что в наши дни принято возрождать и канонизировать десятилетия, не дав им завершиться? Надо бы ввести закон о недавности. Что вы, что вы, шестидесятые возрождать нельзя: на дворе всего лишь восьмидесятые. И так далее.

Короче, я давил на газ, чтобы, едва вписываясь в поворот, поскорее убраться из вашего поля зрения и пронестись мимо сверкающих стальных чанов, наполненных выпущенной кровью минервуанского винограда, а Джиллиан тем временем стремительно уменьшалась в моем зеркале заднего вида. Какой-то неуклюжий термин, не находите: «зеркало заднего вида» – сомнительный, излишне конкретный? То ли де-

ло французское слово *rétroviseur*. Вот только нужен ли нам «ретровизор», а? Живем же мы как-то без этих полезных маленьких зеркалец, которые увеличивают проделанный только что путь. Несемся по трассе А61 в сторону Тулузы и смотрим вперед, только вперед. Кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его вновь. «Ретровизор»: способствует не только безопасности дорожного движения, но и выживанию человечества. Господи, сейчас начну сыпать рекламными слоганами.

ДЖИЛЛИАН: Где мы остановились? Я стояла посреди деревни в одном халате. На лице у меня выступила кровь, которая капала на Софи. Пятна крови на младенческом лобике: как благословение от *Black Sabbath*. Вид у меня был кошмарный, причем для этого мне пришлось постараться. Сутки, если не больше, уламывала Оливера, ездила ему по ушам, доводила до кондиции. Все было продумано. Мне казалось так: если Стюарт увидит, как Оливер терзает меня, а я терзаю Оливера, то он решит, что нашей семейной жизни не позавидуешь, и попробует заново выстроить собственную жизнь. Мама рассказывала, как он приходил к ней в гости и часами говорил о прошлом. Я попыталась разорвать этот круг, дать... какое там есть выражение?.. дать ему закрыть гештальт. К тому же я прикинула: от нас с Оливером не убудет, а я все изображу так, что комар носу не подточит. В конце-то концов, у меня это всегда хорошо получалось.

И вот я застыла на улице как пугало, как умалишенная. А кровь текла оттого, что Оливер, когда наносил мне удар, держал в руке ключи от машины. Я знала, что на меня gazeет из-за занавесок вся деревня. Знала, что после этого нам придется уехать. Когда доходит до таких эксцессов, французы проявляют еще больше ханжества, чем англичане. Главное – соблюдение приличий. Оливеру я все равно собирались сказать, что в деревне мы оставаться не сможем.

Но конечно, единственная пара глаз, которая для меня что-то значила, принадлежала Стюарту. Я знала: он там, наверху, в своем гостиничном номере. И думала: неужели у меня получилось? Неужели сработает?

СТЮАРТ: Где мы остановились? Точно помню, где остановился я. В номере, за который брали сто восемьдесят франков в сутки. Дверца шкафа не закрывалась. У телевизора была комнатная антенна, которую то и дело требовалось поправлять. На ужин подавали форель в миндале и крем-карамель. Спалось мне плохо. Завтрак обходился в тридцать франков дополнительно. До завтрака я подходил к окну, чтобы посмотреть на их дом.

В то утро я увидел, как Оливер уносится прочь на своей машине, не щадя подвеску и надсаживая двигатель. Похоже, он забыл, что, кроме второй передачи, существуют еще две. С техникой он никогда не дружил. Окно у меня было распахнуто, и я слышал этот жуткий визг тормозов, как будто

визжала вся деревня, и у меня в голове отдавался тот же самый визг. А Джиллиан стояла посреди дороги. В халате, с младенцем на руках. Причем отвернувшись – прятала лицо. Мимо проехало два-три автомобиля, но она будто не слышала. Глядя вслед Оливеру, застыла как изваяние. Через некоторое время обернулась и посмотрела в мою сторону. Видеть меня она, конечно, не могла, да и не знала, что я так близко. К лицу она прижимала носовой платок. Ярко-желтый цвет ее халата резал глаза. Потом она медленно побрела к дому и затворила за собой дверь.

Я подумал: вот, значит, до чего дошло?

И спустился к завтраку (тридцать франков).

Между тем

ДЖИЛЛИАН: Во Франции мы познакомились с милой парой средних лет – у них был дом в дюнах, где начинается *garrigue*¹⁵. Муж оказался совершенно бездарным художником, и мне приходилось проявлять весь свой такт. Но эти люди – такое иногда встречается – как следует просчитали свою жизнь. Они сами расчистили участок земли, не тронув оливковые деревья; устроили небольшой бассейн, предусмотрели место для мангала и поленницы виноградных дров, поставили дом с террасой, накупили альбомов по искусству; создавалось впечатление, что они даже знают секрет, как вызвать прохладный ветерок в жаркий день. И что самое приятное – они никогда не лезли к нам с советами, а то знаете, как бывает: если вам нужно самое лучшее, то в нижнем городе Каркассона, где по вторникам работает рынок, подойдите к третьему торговцу слева... сантехникам доверять нельзя, за исключением... В самый зной я брала Софи и шла к ним. Как-то сидели мы на террасе, и Том, отвернувшись, устремил взгляд на долину. «Это, конечно, не наше дело, – пробормотал он, как будто заговорил сам с собой, – но скажу одно: никогда не болейте на чужом языке».

¹⁵ Пустошь (фр.).

У нас в семье это стало дежурной шуткой. Если Софи случалось расчихаться, Оливер с серьезным видом изрекал: «Соф, не вздумай заболеть на чужом языке». Воочию вижу, как он катается с ней по полу, словно со щенком, неумолчно болтает какую-то чепуху и поднимает малышку над головой, чтобы она полюбовалась алыми цветками посаженной им выющейся фасоли. Не скажу, что последние десять лет нашей совместной жизни прошли безоблачно, но Оливер – этого не отнимешь – всегда был хорошим отцом.

Впрочем, я понимала: Том вкладывал в эту фразу какой-то обобщенный смысл. Речь шла не о том, чтобы знать, как по-французски «антибиотики» – ведь я владею французским свободно, а Оливер всегда мог объясниться, даже если для этого ему пришлось бы исполнить в аптеке оперную арию. Нет, имелось в виду другое: когда ты собираешься поселиться в чужой стране, убедись, что у тебя для этого подходящий склад характера, потому что любая твоя неудача будет раздуваться. Любая удача будет наполнять тебя неопиваемой гордостью: ты принял верное решение, ты совершил прорыв, но любая неудача – конфликт, стресс, потеря работы, да что угодно – доставит тебе вдвое больше неприятностей, чем дома.

Так что я понимала: если трудный период затягивается, нужно возвращаться домой. Да и смотреть в глаза местным жителям не хотелось. Поэтому в тот злополучный день, к моменту возвращения Оливера из Тулузы, я уже выставила

дом на продажу и договорилась с агентом, что оставляю ключи у мадам Рив. С Оливером я объяснилась попросту, насколько это возможно, когда блефуешь по-крупному. Сказала ему, что во Франции нам ловить нечего. Сказала, что так и не смогла получить ни одного заказа. Что мы уже не дети и должны признать эксперимент неудачным. И так далее. Всю вину взяла на себя. Ни разу не сорвалась, но сказала, что живу в постоянном напряжении, открыла, что беспричинно и глупо ревную его к одной из учениц. А под конец добавила, что не вижу препятствий для переправки его любимого «пежо» в Англию. Думаю, это и перевесило чашу весов. Ах да, еще я приготовила отменный ужин.

Короче, это была одна из тех неизбежных в любом браке сцен, какие возникают из недомолвок, а окончательное решение принимается на основе совсем других обстоятельств, которых не проговаривают вслух.

Мы вернулись домой. Еще одно обстоятельство, которое не проговаривалось вслух, касалось второго ребенка. Я считала, что нам необходимо укрепить отношения. С моей стороны оказалось достаточно на время ослабить меры предосторожности, чтобы у нас родилась Мари. Ой, не надо бросать на меня такие взгляды. Половина известных мне браков заключена вследствие незапланированной беременности, а острые углы зачастую сглаживались рождением второго ребенка. Между прочим, и вы, покопавшись в собственных биографиях, наверняка выясните, что появились на свет

именно в таких обстоятельствах.

Я занялась своим прежним делом. Контакты у меня сохранились. Нашла себе помощницу, Элли. Мы сняли небольшую мастерскую в полумиле от дома. Вскоре там уже стало тесно, поскольку заказов прибавлялось. Мне это было на руку. Почти все время семью кормила я. Оливер переживал. Энергии ему хватает, а вот... твердости недостает.

Жизнь вернулась в привычную колею. Я люблю свою работу, люблю дочерей. С Оливером отношения ровные. Когда я выходила за него замуж, у меня и в мыслях не было, что он будет отсиживать в конторе с девяти до пяти. Я поощряю все его замыслы, но обычно не надеюсь, что из них выйдет нечто путное. Он компанейский, остроумный, он хороший отец, тепло встречает меня дома. Готовит. Я живу сегодняшним днем. А как иначе?

Слушайте, я же не Крошка Мэри Саншайн. Бывают у нас... тяжелые времена. А я нормальная мать, то есть по ночам терзаюсь жуткими страхами. Да и днем тоже. Стоит только Софи и Мари устроить нормальную детскую выходку, свойственную бойким девчонкам, стоит им только выказать доверие к этому миру, понадеяться на его доброту, выбежать из дома с написанным на мордашках оптимизмом – и у меня живот сводит от страха.

СТЮАРТ: Отдельные стереотипы верны. Например: «Америка – страна возможностей». Отдельные стереотипы

неверны, как то: «Американцам чужда самоирония», или «Америка – это плавильный котел», или «Америка – дом храбрецов и свободных страна». Я там прожил без малого десять лет, сдружился со множеством американцев и полюбил их. Даже нашел себе жену.

Но они – не британцы. Даже те – в особенности те, – которые похожи на британцев. Меня это не напрягает. Как там формулируется еще один стереотип? «Две нации, разделенные общим языком»? Да, и это верно. Когда меня приветствовали выкриком «How ya doin'», я привычно махал рукой и орал в ответ: «Good», хотя временами нарочно включал утрированный английский акцент, который всех смешил. Но при этом у меня с языка слетали «I guess», «Sure» и, наверно, другие типично американские словечки, которых я сам не замечал.

Впрочем, разница заключается не в словах, а в том, что стоит за ними. Например, мой брак, мой второй брак, американский, через пять лет закончился разводом. В Англии закадровый перевод звучал бы так: «Через пять лет его семейная жизнь потерпела крах». Я имею в виду тот закадровый перевод, который по ходу дела озвучивается нашим внутренним голосом. Но в Штатах закадровый перевод был иным: «На протяжении пяти лет его семейная жизнь складывалась успешно». Американцы – нация серийных многоженцев. Я уж не говорю о мормонах. По-моему, это объясняется глубоким, исконным оптимизмом. Возможно, есть и другие мне-

ния, но я придерживаюсь этого.

Ладно, продолжаю свой рассказ. Работал я в одном из вашингтонских банков и через пару лет адаптировался. Стал походить на коренного американца. Нет-нет, не на индейца, но... Короче. В Британии я бы сидел за стойкой рядом с сотрудниками, которые визируют мелкие займы, и мечтал, что со временем, если показать себя старательным и ответственным работником, мне доверят визировать более крупные займы. Однако, прожив пару лет в Штатах, я стал рассуждать иначе: а почему, собственно, он, почему она, почему не я? И в результате оказался по другую сторону стойки.

На паях с приятелем мы открыли ресторан. Вероятно, это вас удивит, да и меня бы удивило – в Англии. Но за океаном все по-другому. Там ты сегодня риелтор, а завтра пошел учиться на судью. Кулинария меня привлекала и раньше, я разбирался в финансах, а мой приятель хорошо готовил. Мы нашли помещение, получили ссуду, пригласили дизайнера, наняли обслуживающий персонал, раз-два – и наш ресторан готов. Легко. Легко не в плане реализации, а в плане задумки, но, когда мозги у тебя настроены соответствующим образом, реализация существенно облегчается. Вывеска гласила: «Нарасхват» – что указывало на разумные цены и свежие продукты. Выбрали стиль фьюжн – французская, калифорнийская и тайская кухня. Вам бы понравилось.

Потом я продал свою долю напарнику и переехал в Балтимор. Там открыл другой ресторан. Который тоже процветал.

Но через некоторое время... Это характерно для Штатов. В Англии стали бы поговаривать: «не сидится на месте» или «сам не знает, чего хочет». А в Штатах это нормальное положение дел. Ты преуспел в чем-то одном – ищи, в чем бы еще преуспеть. Говорю же: исконный оптимизм.

Итак: я переключился на поставки органических продуктов питания. Мне казалось, это очевидное направление. Круг потребителей, особенно в больших городах, неуклонно расширяется, и составляют его большей частью обеспеченные люди, готовые платить подороже за чистую сельскохозяйственную продукцию. Количество производителей – естественно, в сельской местности – тоже растет, причем среди них многие либо чересчур зашорены, либо чересчур идеалистичны, или настолько заняты, что не задумываются об организации сбыта. Вопрос упирается в налаживание связей. Фермерские рынки – штука хорошая, но, с моей точки зрения, это лишь средство продвижения товаров, а то и привлечения туристов. По сути, выбор делается между уличными торговыми точками и доставкой продуктовых корзин на заказ. Ориентироваться только на заказы – это в некоторой степени дилетантский подход, а руководство магазинов зачастую не обнаруживает достаточных знаний маркетинга. Или же считает, что честный и добросовестный бизнес не нуждается в продвижении. Эти люди не понимают, что даже в наше время – особенно в наше время – добродетель требует рынков сбыта.

И я взялся за дело. Углубился в логику и маркетинг. Исходил из того, что многие производители органических продуктов столь же далеки от современной цивилизации, как амиши, тогда как торговые палатки большей частью отданы на откуп хипповатым личностям, для которых быстрота и эффективность – позорные буржуазные пережитки, а умение считать – грех. При этом в круг покупателей активно вытягиваются здравомыслящие представители среднего класса, которые не слишком заинтересованы в получении дозы контркультуры при покупке каждого пучка неотравленной петрушки. Как я уже сказал, вопрос упирается в налаживание связей.

Ага, вижу: вам хочется, чтобы я не отвлекался. Между прочим, я близко к сердцу принимаю... Ладно, намек понял. Так вот: именно этим я и занимался в Балтиморе не один год, а потом устроил себе непродолжительный отпуск в Европе. Откровенно говоря, сидеть без дела – это не по мне, я начал изучать местные торговые точки и схемы поставок, которые, если честно, повергли меня в шок. Поэтому я решил вернуться домой и здесь начать нулевой цикл.

ОЛИВЕР: Нулевой цикл в нулевом часовом поясе. Нулевой часовой пояс.

Время – это действительно ноль, ничто. Хитрая маленькая субретка. На протяжении всей твоей жизни приволакивает ножки и оттопыривает нижнюю губу, а потом, в ка-

кой-то быстротечный счастливый час, в пьянящий миг, когда наслаждение, казалось бы, совсем близко, проносится мимо, как официантка на роликах. Взять хотя бы тот счастливый час, когда я, благоговейно преклонив колени, попросил руки *ma belle*¹⁶. Откуда мне было знать, что закончится он примерно тогда же, когда мы разойдемся в разные стороны? И как предугадать, в какой момент неприветливая распутница с подносом над головой снова объявит счастливый час? Честно признаться, после нашего возвращения в Англию жизнь некоторое время текла как-то вяло и зыбко. Потом случилось благовещение Мари. Она – забойный «Сингапурский слинг», каких свет не видывал.

И понеслось: знакомые лица едут на ярмарку веселиться, всей толпой на водопой... А потом на нас обрушилась смерть моего отца. Какие-нибудь въедливые душеведы, ревностные калибраторы тревоги уже, наверное, прикинули, что стресс, вызванный отцовской смертью, наложился на мучительный переезд. Быть может, они бы выразились иначе, но тем не менее. Лично я больше психовал из-за потери лестничной ковровой дорожки и абажура в виде Дональда Дака, нежели из-за того, что нас покинул *paterfamilias*¹⁷.

И нечего кривиться. Вы ведь не знали моего отца? А если даже и знали, что вряд ли, так ведь это не ваш отец, а всего лишь мой, старый черт. Избивал меня, молокососа, хок-

¹⁶ Моей возлюбленной (фр.).

¹⁷ Отец семейства (лат.).

кейной клюшкой. Или бильярдным кием? За одно лишь то, что я был похож на мать. За одно лишь то, что она умерла, когда мне было шесть лет, и наше с ней сходство оказалось для него нестерпимым. А поводов было множество: моя нерадивость в учебе... моя внезапная дерзость... плюс какая-то отроческая тяга к поджогам, но я-то знал истинную причину. Мой отец был холоден, как рыба. Этот старый палтус курил трубку, дабы перебить свой рыбный дух. Но пришел день, когда у него пересохла чешуя, а плавники задубели, как ненужная малярная кисть. При жизни он заговаривал о кремации, но я распорядился, чтобы его закопали на перекрестке дорог, для верности пригвоздив колом.

Он оставил всю свою собственность (курам на смех – земельный участок, стоимость которого измеряется в медных грошах, а отнюдь не в луидорах) внукам, Софи и Мари, в порядке доверительного управления. Сделав специальное распоряжение, чтобы Н. Оливер Расселл не смог наложить лапу на это богатство. Помимо всего прочего, он оставил письма вышеупомянутым внукам, объясняя причину таких действий. Конверты были запечатаны, так сказать, на живую нитку. В них обнаружилась смесь магического реализма и гнусной клеветы. Ради самих же детей я отправил эти послания в надежное подземелье с люком. На похоронах жена меня осрамила, проливая слезы. В богадельне, где господин Палтус обретался на закате своих дней, хранилась, конечно же, официальная бумага особой важности, а в деревянном

костюме скрывались эндопротезы тазобедренного сустава и зубные импланты, заявлявшие о своей вере в воскрешение тела, которая даже в лучшие времена представляет собой достаточно опасное веяние, а уж в данном случае выглядела за пределами жуткой. Джиллиан – вне сомнения, под влиянием месячных – узрела в этом нечто потустороннее и душераздирающее. А потому захлюпала, невзирая на мою железную хватку. Затем все поехали в богадельню, чтобы выслушать рассказы о том, как бойко папаша управлялся с ходунками и калоприемником. Как это нередко бывает, я выражаюсь в обобщенном смысле.

Я слегка отклонился от темы? Ну что ж, таково преимущество устной традиции. Прошу на меня не цыкать. Нынче я стал куда более чувствительным. Итак. Позвольте мне разложить по полочкам мое последнее десятилетие *à la façon de*¹⁸ Стю. Мы уехали из Франции. Туда нас утянула Джилл; она же вернула нас домой. Как я выражался насчет того, что в каждой семейной паре один из супругов – умеренный, а другой – воинственный? Наш деревенский домик-пряник был продан скупердяю-бельгийцу. Увы, не входящему в шестерку знаменитых. А дальше вы сами знаете. Реплика Стюарта, человека из телерекламы страховой компании: «Уйдя с рынка недвижимости, вернуться туда очень сложно». Не в бровь, а в глаз, малыш Стю. Идиллическое пристанище с возделанным огородом в солнечном Лангедоке покрыва-

¹⁸ На манер (*фр.*).

ет ровно пятьдесят процентов стоимости дымовой трубы в районе Лондона, который неловко назвать вслух. Здесь заплутает даже почтальон. Время от времени на глаза может попасться автобус, если кто-нибудь из разъяренных местных остановит его под угрозой оружия и заставит выполнить общественно полезную функцию.

Наш союз осватило дальнейшее прибавление семейства. Мари, сестренка Софи. Как же эти малышки любят своего дорогого папу. Липнут ко мне, как мокрые занавесочки для душа. Софи – такая серьезная, всегда стремится к идеалу. У Мари есть все задатки настоящей *madam*.

Разве я уже так шутил? Насчет мокрых занавесочек? Тот вы на меня коситесь. Это цена, которую платит любой комедиант. Бросаешь в партер свои *bons mots*¹⁹, будто пригоршню *bonbons*²⁰, и какой-нибудь баклан из первого ряда непременно запустит в тебя фантиком. Эй, такой вкус мы уже пробоvalи. Но позвольте: в этом мире количество начинок не безгранично. Неужели вы теперь начнете сетовать, что все когда-либо написанные рассказы – это лишь варианты стандартного набора первоисточников? Хорошо, буду иметь в виду, тем более что сейчас я разрабатываю соответствующий киносценарий. Разрабатываю, естественно, в уме. Должен признаться, отдельные мои художественные задумки по-

¹⁹ Остроты (*фр.*).

²⁰ Конфет (*фр.*).

следнего десятилетия имеют весьма *triste dénouements*²¹. Временами меня тянет, как пса к собственной рвоте, назад – к колледжу английского языка и литературы мистера Тима, где можно заработать пару драхм, чтобы поставить на семейный стол долму в виноградных листьях. Подозреваю, что Оливера никогда не отпускали кошмары рабочего дня с девяти до пяти. Который по всей стране расцветает вечнозеленым лавровым деревцем. Неужели дело лишь в том, что я стал наблюдательнее? За годы, минувшие после нашего возвращения в *Londinium Vetus*²² из Земли, не Ведающей Брюссельской Капусты, меня все настойчивее преследует мысль о том, что различие между успехом и провалом никогда еще не было столь... мы можем хоть раз избежать этого слова? думаю, нет... очевидным. С одной стороны – глянцевого внедорожники, все эти «чарджеры», «трастеры», «крузеры» и прочие «супертурбобиллибэги». С другой – маломощные скутеры, послушные скромным развозчикам пиццы, у которых при каждом наезде на «лежачего полицейского» безбожно смешиваются от тряски все топинги. А лицемерные владельцы руля с гидроусилителем, сидящие где-то высоко над потоками транспорта, разве щадят этих тихих ходов, у которых «„Четыре сезона“ с дополнительным луком» получают от тряски еще и «томат», причем не томатную пасту, а банальный свежий помидор, и «дополнительную пепперони», и «допол-

²¹ Грустные развязки (*фр.*).

²² Запретный Лондон (*лат.*).

нительный горошек»? Кто высоко сидит, того тряска не потрясает, правда? Если лицемерие – это дань уважения, которую порок платит добродетели, то стиль транспортного средства когда-то разрабатывался богатыми для бедных. Теперь не так.

И еще кое-что. Если автомобиль зовется внедорожником, то почему, черт его раздери, он ездит по дорогам? Ответьте, кто сможет.

Вы читали о прошлогодних снегопадах на американском Среднем Западе? Сугробы намело аж до слоновьего глаза (ввернул специально для тебя, Стюарт). Фермеры тут же смекнули, как быть, на то они и это... фермеры: чтобы выйти из своих благоприобретенных иглу, они привязывали к подошвам старые теннисные ракетки. Какой-нибудь смиренный «синий воротничок» не высовывал носу из дома, включал микроволновку и перематывал на видеоплеере запись лучших игр Суперкубка. А кого долбануло не на шутку – так это буржуев на внедорожниках, которым не терпелось продемонстрировать всем недотепам, неудачникам, тупицам, деревенщинам и придуркам, сколь это великолепная и завидная возможность: разъезжать где душе угодно по снежному насту в полноприводном комфорте. Но они, словно живое доказательство существования некой подлунной или надлунной справедливости в этом мире, все до единого увязли по самые турбины и поршни, да так, что их откапывали с собаками и конной полицией. Как по-вашему, она существует?

В смысле, существует ли в этом мире справедливость? Как по-вашему, торжествует ли добродетель, карается ли порок? Или вы считаете, что добродетель – сама себе награда? Сдается мне, тут звучат какие-то онанистские нотки. Принято считать, что добродетель должна учиться радовать самое себя, поскольку никто другой ее не пригреет. Применимо ли это утверждение к ее противоположности: служит ли порок сам себе наградой? Сластолюбец не стал бы тешить сам себя, не помани его награда богини удовольствий – Волупии. А что же тот, кто несет утешение прокаженным, рвет свое исподнее на бинты и мчится на снегокате, чтобы, подобно сенбернару, согреть обмороженных, заблудившихся путников, – испытывает ли он блаженство в момент спасения других? Не зря же говорится: если за свои труды он не получает от Господа талоны на питание, то пусть уж хватает то удовольствие, какое само идет в руки.

Я всего лишь с биноклем в руках изучаю проходящий мимо караван-сарай жизни. Не исключено, что вы сочтете мои выводы доморощенными. Но я не могу отделаться от мысли, что пороку многое сходит с рук.

Хотите проконсультироваться у другого специалиста? Я вас не виню. В таком случае рассмотрите мнение одного еретика из Тулузы: «Бог совершенен; в этом мире ничто не совершенно; следовательно, ничто в этом мире не сотворено Богом». Неплохо, да?

5

Теперь

ТЕРРИ: Можно вклиниться? То есть у вас приватная беседа или как? Могу скинуть сообщение по мейлу, если вам так удобнее. Но хочу сказать: я не допущу, чтобы пять лет моей жизни были выброшены псу под хвост. Я не собираюсь оставаться довеском к чужой истории.

Стюарт не прогадал, взяв меня на должность метрдотеля, и сам это понимал. Шеф-повар, хоть первоклассный, хоть дерьмовый, попросту не сможет о себе заявить, если у заведения не будет своего лица. С которого и начинается ресторан. А начинается он с ответов на телефонные звонки, с администратора за стойкой, с гардероба и бара. Требования к персоналу: поддерживать приподнятое настроение у клиента, даже если тот, придя вовремя, увидел, что его столик не готов; умение рассадить шестерых, когда столик был заказан на двоих; незаметно поторопить людей, чтобы не засиживались. Не подавать виду, если постоянный клиент, глубоко женатый каждую пятницу в двадцать часов тридцать минут, начинает захаживать и по вторникам, но уже с подругой. Распознавать, в какой связи счет требует женщина: потому ли, что она платит, или потому, что ей уже обрыдло это свидание. А если распознать не удалось, то ненавязчиво остав-

лять счет где-нибудь посередке. Мелочи, но существенные.

Я владела всеми этими навыками, а потому клиенты считали, что у нас бесподобный шеф-повар, хотя он был не более чем приличный. А когда Стюарт решил перейти на экопродукты, чтобы уж точно подняться на новую высоту, шеф просто взбесился, так как повара, не пускаясь в объяснения, выбирали продукцию знакомых поставщиков. Поварам лучше знать, что дает навар, если вы меня понимаете.

Так вот: нашли мы другого шеф-повара, более квалифицированного, но он тоже взбесился, так как, по его словам, Стюарт не умел выбирать рыбу. Мясо, овощи, фрукты – это нареканий не вызывало, но рыба ни к черту не годилась. В конфликтах между кухней и директорским кабинетом я выступала в роли ООН. И Стюарт – надо отдать ему должное – это ценил.

В Штатах сложилось совершенно определенное представление о британцах, особенно в таких городах, как Балтимор, – это, чтобы вы понимали, очень американский город. Уоллис Симпсон, которая окрутила вашего короля, была родом из Балтимора. Британцев мы видим нечасто, а потому мыслим стереотипами: британцы – снобы, они кучкуются своей компанией, причем каждый старается увильнуть от оплаты счета за алкоголь. И еще: их мужчины – это, извините за выражение, чайные пакетики. Но Стюарт оказался другим. Поначалу держался скованно, зато платил нам не ниже рыночной ставки и, судя по всему, прикипел к американ-

цам. Пригласил меня на свидание, но я твердо сказала «нет»: крутить шашни на рабочем месте – не в моих правилах, я давно так решила. Тогда он разыграл театр одного актера – ну, вы понимаете: мол, он не сведущ в вопросах американского этикета, он уважает мое право отказаться, но неужели у нас не существует каких-нибудь неписаных социальных норм, которые позволили бы мне согласиться, не идя на компромисс? Я ответила: ну почему же не существует? Можешь угостить меня в баре, если я тебя правильно поняла. И мы посмеялись.

С этого все и началось. Слушайте, я не собираюсь посвящать вас во все подробности. Даже не просите. Но хочу кое-что уточнить, пока вы не копнули глубже. Стюарт рассказывает о своей жизни примерно так: медленная раскачка, неудачный первый брак; переехал в Штаты, организовал свой бизнес, поднялся; удовлетворительный, но недолгий второй брак и безболезненный развод; соскучился по Англии, решил применить свои деловые навыки в родной стране. Очередная американская история успеха – мы такие обожаем. Парень болтался, как незнамо что, но собрал волю в кулак и двигается дальше.

Что ж, согласно одной из американских свобод, каждый, безусловно, имеет право на собственную трактовку личной жизни. Хотите – верьте. Верьте до поры до времени.

СТЮАРТ: Для меня ключевые слова – прозрачность, эф-

фективность, добросовестность, удобство, гибкость. В рыночной экономике выделяются три основных типа организации торговли. Первый тип: магазины, которые направляют заказы – прежде всего на мясо и птицу – по интернету непосредственно производителям; по крайней мере, ты твердо знаешь, откуда что поступило. Это к вопросу о прозрачности. Второй тип: супермаркеты, которые вступили в игру поздно, но знают, как показать товар лицом и продать, а также умеют находить источники. Это к вопросу об эффективности. Третий тип: торговые точки шаговой доступности, зачастую торгующие чем попало, вроде магазинов низких цен, где громоздятся мешки с расфасованной в полиэтиленовые пакеты продукцией и слоняются ленивые продавцы, которые даже не считают нужным прекратить болтовню, когда снисходят до продажи какого-нибудь лука-порея. Это к вопросу о добросовестности. Итак, современные потребители органической продукции, согласно моим принципам, во всех трех мирах заслуживают самого лучшего: знать происхождение товара, получать достойное обслуживание и признавать правильность своего выбора – за что они готовы платить чуть больше. Добавим сюда удобство и гибкость – и цель достигнута. Проведя небольшое исследование, я наметил ключевые виды эксклюзивной продукции. Яйца, хлеб, молоко, сыр, мед и фрукты-овощи – это основа основ. Рыба – нет; мясо – да. Кое-кого отталкивает вид мяса, но я не ориентируюсь на идеалистов и радикалов. Я ориентируюсь на стан-

дартного потребителя, которому хватает средств и здравого смысла, чтобы выбирать для себя здоровое питание и приобретать все продукты в одном гастрономическом магазине. Я не размениваюсь на второстепенные товары, такие как органическое вино и пиво. Я не пытаюсь превратить каждый свой магазин в закусочную. Забудем о флягах с фасолевым супом. Уберем самодельные, нацарапанные от руки рекламные этикетки, пестрящие восклицательными знаками. Наймем персонал, который квалифицированно отвечает на вопросы и не ленится укладывать ваши покупки в пакет. В высокий бумажный пакет с уплотненным верхом. Организуем службу доставки. Прием заказов онлайн. Встречи с поставщиками. Выпуск ежемесячного каталога.

Быть может, вы сочтете, что это банальности. Но я и не претендую на звание оригинального мыслителя. В большинстве своем оригинальные мыслители на практике несостоятельны. Как я уже говорил, некоторые стереотипы верны. Я всего лишь присмотрелся к рынку, понял, чего хотят люди, изучил положение дел и решил несколько арифметических задач. Дал своим магазинам название «Зеленая бакалея». Нравится? Я и сам горжусь. В настоящее время у меня четыре точки, на будущий год откроются еще две. Пользуюсь рекомендациями кулинарных сайтов и глянцевого журналов. Пару месяцев назад обо мне задумала написать местная газета, но я отказался. Не хотел опережать события. Решил повременить, чтобы полностью утвердиться. И сейчас

ЭТОТ МОМЕНТ НАСТАЛ.

ДЖИЛЛИАН: Когда я сказала, что Оливеру приходится нелегко, в этом не было натяжки. У меня есть работа, я бываю на людях, завожу новые знакомства. А Оливер ждет у моря погоды.

В какой-то газете недавно советовали рассматривать супружество как бизнес. Романтика, дескать, не вечна, поэтому все детали партнерства следует прописывать заранее: положения и условия, права и обязанности. С моей точки зрения, идея отнюдь не нова. На ум приходит голландская живопись: муж и жена сидят рядышком, взирают на мир с некоторым самодовольством – и при этом жена зачастую держит в руках кошелек. Дескать, супружество – это бизнес: полюбуйте, вот наши прибыли. Я с этим категорически не согласна. Если романтики больше нет, к чему все остальное? Зачем бы я стала каждый вечер возвращаться домой, к Оливеру?

Разумеется, в любом нормальном браке многое приходится согласовывать. Детей надо отвезти в школу, потом забрать, помочь с уроками, проследить, чтобы не засиживались у телевизора; надо сделать покупки, приготовить еду, спланировать расходы, продумать отдых. К ночи остается только рухнуть в постель, когда нам уже не до секса.

Простите, это шутка Оливера. В конце долгого дня, после работы, после хлопот с дочками я от него слышу: «Давай

рухнем в постель – нам уже не до секса».

Когда мне было тринадцать лет, мой отец, учитель по профессии, сбежал со своей ученицей. Вы, наверное, в курсе? Маман никогда об этом не заговаривает, как и о нем самом, даже имени его не упоминает. Но мне иногда лезет в голову: а если бы этого не произошло? Если бы он в последний момент передумал, решив, что супружество – это бизнес, и остался с нами? Представьте, сколько судеб сложилось бы совсем иначе. Возможно, меня бы здесь вообще не было, правда?

Я тут читала одну книгу, написанную женщиной, где сказано примерно так: в любых отношениях таятся призраки, или тени, всех других отношений, непохожих на нынешние. Все упущенные альтернативы, все забытые варианты, все жизненные дороги, которыми мы могли пойти, но не сделали этого и не делаем сейчас. В этой мысли, верной по своей сути, я увидела огромную поддержку и в то же время огромное разочарование. Я вдруг испытала небывалое облегчение оттого, что ни разу не сделала аборт. Разумеется, это просто везенье – в молодости я не была противницей абортов. Но вообразите, каково было бы в зрелом возрасте вспоминать о своих абортах. Однако ничего такого не случилось. Ни упущенных альтернатив, ни непрожитых жизней. Даже в отвлеченном смысле рассуждать о них тяжело. Хорошо, что они не стали конкретикой.

Так выглядит сейчас моя жизнь.

МАДАМ УАЙЕТТ: «Сперва любовь, потом брак: сперва пламя, потом дым». Припоминаете? Шамфор. Что он хотел этим сказать? Что брак – неизбежное следствие любви, что одного без другого не бывает? По-вашему, это умствование, даже недостойное записи? Нет? Значит, он приглашает нас глубже вникнуть в такое сравнение. Вероятно, подразумевается, что любовь драматична, пылка, горяча и шумлива, тогда как брак подобен теплomu туману, который щиплет и застит глаза. Вероятно, подразумевается, что брак приносит ветром... что любовь неистова и выжигает почву, на которой растет, тогда как брак – более зыбкое состояние, способное измениться или развеяться от легчайшего дуновения.

В этом сравнении мне видится еще вот что. Люди думают, что весь жар горящей спички сосредоточен в центре язычка пламени. Это ошибка. Самый сильный жар – не внутри, а снаружи, точнее, чуть выше. Горячее всего там, где кончается пламя и начинается дым – именно в этой точке. Интересно, мм?

Кое-кто считает меня мудрой – это потому, что я прячу свой пессимизм. Людям хочется верить, что да, обстоятельства бывают хуже некуда, но всегда возможны какие-либо решения: стоит найти хотя бы одно, и обстоятельства изменятся к лучшему. Терпение, добродетель и некий скромный героизм будут вознаграждены. Конечно, я этого не утверждаю, но мой облик некоторым образом подразумевает, что

такое не исключено. От Оливера, притворщика, мнимого сценариста, я когда-то слышала старую истину о Голливуде: Америке подавай трагедию со счастливым концом. Вот я и даю голливудские советы, отчего меня считают мудрой. Иными словами, чтобы прослыть мудрой, нужно быть пессимисткой, которая пророчит хеппи-энд. Но сама себе я даю не голливудские, а более традиционные советы. Ни на каких богов, конечно, не уповаю, разве что в метафорическом смысле. Но верю, что жизнь трагична, если это слово еще не устарело. Жизнь – такой процесс, который неизбежно вскрывает наши слабые места. А кроме того, этот процесс карает нас за прежние поступки и желания. Карает незаслуженно: я же говорю, что не верю в богов; карает походя – вот и все. Карает анархически, если угодно.

Думаю, у меня никогда в жизни больше не будет романов. На определенном этапе приходится это признать. Нет-нет, не надо мне льстить. Да, я выгляжу несколько моложе своих лет, но это отнюдь не комплимент для француженки, спустившей за свою жизнь такую уйму денег, как я, на *produits de beaute*²³. Так вот: дело не в том, что романы более невозможны. Они всегда возможны, а тем более на платной основе, официальной или неофициальной... ой, только не надо изображать возмущение... дело в том, что мне они не нужны. Ах, мадам Уайетт, зачем вы так говорите, никто не знает, когда нагрянет любовь, это всегда, как вы сами нам когда-то

²³ Косметические средства (*фр.*).

сказали, опасный момент и так далее. Не поймите меня превратно. Дело даже не в том, что я этого не хочу, а в том, что я не хочу хотеть. Я не желаю желать. И вот что я вам скажу: сейчас я, пожалуй, не менее счастлива, чем в те годы, когда испытывала желание. У меня меньше забот и меньше озабоченности, но я не менее счастлива. И не менее несчастна. Не карают ли меня боги, которых больше нет, когда внушают, что все сердечные муки – так правильно сказать? – которые выпали на мою долю, все метания, вся боль, все надежды, все поступки не имели, вопреки моим убеждениям, никакого отношения к счастью? Это и есть кара?

Для меня сейчас дело обстоит именно так.

ЭЛЛИ: Я не сразу привыкла называть ее «Джиллиан». Сначала потренировалась в телефонных разговорах, затем в беседах с другими людьми и только после этого – лично. Она ведь такая: очень собранная, очень уверенная в себе. Да к тому же вдвое старше меня. Как я понимаю, ей слегка за сорок. Спрашивать напрямую, конечно, немислимо. Хотя, надумай я спросить, она бы ответила как есть.

Слышали бы вы, как она разговаривает по телефону. У меня язык не повернется повторить кое-какие фразы. Нет, они совершенно правдивы, но это ведь еще хуже, правда? Понимаете, клиенты иногда дают нам заказы в тайной надежде, что под этой мазней обнаружится подпись Леонардо, которая принесет им кучу денег. Да-да, настолько примитивно.

Никаких оснований для этого нет, просто владельцам картин хочется так думать: вот отправят они в реставрационную мастерскую это полотно, пусть там его почистят, просветят рентгеном – глядишь, и повезет. Зря, что ли, они деньги платят? В большинстве случаев нам достаточно одного взгляда, но, поскольку Джиллиан любит работать основательно, она не сообщает, что их надежды напрасны, а раз это не произносится вслух, глаза у клиентов разгораются еще больше. Но под конец, в девяноста девяти случаях из ста, ей все же приходится говорить открытым текстом. И некоторые воспринимают это как пощечину.

– К сожалению, нет, – сообщает она.

Из трубки несется затяжная словесная канонада.

– К сожалению, это невозможно.

Опять канонада.

– Да, есть вероятность, что это копия утраченного произведения, но все равно речь может идти лишь о пятидесятих-шестидесятих годах восемнадцатого века, никак не ранее.

Короткая канонада.

Джиллиан:

– Хорошо, давайте будем, если угодно, говорить «желтый кадмий», хотя кадмий был открыт только в тысяча восемьсот семнадцатом году. Ранее середины восемнадцатого века такого пигмента не существовало.

Короткая канонада.

– Да, я «всего лишь» реставратор. Это значит, что я способна датировать полотно по определенным параметрам, исходя из анализа данного пигмента. Существуют и другие методы датировки. Например, если вы не профессионал, но обладаете «определенным чутьем», то вам позволительно датировать картины абсолютно любым периодом.

Обычно на этом заказчик прикусывает язык, что неудивительно. Впрочем, не всегда.

– Нет, мы сняли верхний слой.

– Нет, мы подвергли химическому анализу каждый слой краски, вплоть до холста.

– Нет, исключительно с вашего согласия.

– Нет, мы ничего не повредили.

На протяжении всего разговора она сохраняет хладнокровие. Потом говорит:

– У меня есть к вам предложение. – И делает паузу, чтобы завладеть вниманием клиента. – Когда вы оплатите наш счет и заберете картину, мы пришлем вам исчерпывающие результаты анализа и полное заключение. Не понравится – можете сжечь.

На этом переговоры обычно завершаются. И Джиллиан вешает трубку... не то чтобы с торжествующим, но с самоуверенным видом.

– Он не скоро обратится к нам повторно, – говорю я, подумевая, в частности: стоит ли расшатывать бизнес?

А она в ответ:

— С такими свиньями я дел не имею.

Кто-то может подумать, что работа у нас тихая, научная, но бывает, на нас серьезно давят. Вот, например, один мужчина приобрел на торгах, где-то в провинции, некое полотно, которое понравилось его супруге, и, поскольку это была библейская сцена в темных тонах, решил, что купил Рембрандта. Ну или «типа того», как он выразился. Картина обошлась ему в шесть тысяч фунтов, и он прикинул, что расчистка и анализ станут дополнительным вложением, способным взвинтить первоначальную стоимость полотна в десятки, сотни или тысячи раз. Как же он взъелся, узнав, что после расчистки и необходимой реставрации картина потянет на те же шесть тысяч, да и то если на нее клюнет какой-нибудь толстосум.

Джиллиан очень прямолинейна. И с ходу различает фальшивки. Как среди картин, так и среди людей. И прежде, и сейчас.

ОЛИВЕР: Вот ведь что занятно. Я посадил моих юных правопреемниц и наследниц по завещанию у местного пункта принудительного кормления, где милым птенчикам нежно массируют шейки, пока Большая Шишка пичкает их кукурузными зернами знаний. Квартира выглядела так, будто лары и пенаты накануне устроили там грандиозную пирушку, и когда я, верный своей артистической склонности к превращению хаоса в упорядоченность, сложил кое-какую

посуду в раковину и размышлял, чем заняться дальше – то ли в очередной раз открыть «Неопубликованное» Салтыкова-Щедрина, то ли три часа ублажать себя мануально (ну, не завидуйте, я пошутил), – надсадно-утробное бурчание телефона напомнило мне о существовании того, что философы тенденциозно именуют внешним миром. Быть может, звонил кто-то из голливудских магнатов, которого мой несравненный сценарий перенес в таинственное ночное царство, где обитают медлительные лори Малибу и цепкохвостые медведи Бель-Эра? А может – что вероятнее, – это моя любезная *moglie*²⁴ хотела намекнуть оглоблей, что в краткосрочной или среднесрочной перспективе нашему дому грозит дефицит жидкого моющего средства? Но, как оказалось, реальность – и тут философы, в общем и целом, на протяжении тысячелетий оказывались удручающе правы – не вполне соответствовала ожиданиям.

– Привет, это Тютя, – раздался в трубке самодовольный голос.

– Рад за тебя, – ответил я с предрассветной желчностью. (Утренняя хандра – самая тяжелая, согласны? У меня на сей счет есть своя теория, которая заключается в следующем. Незыблемая программа суток – рассвет, утро, день, вечер, ночь – символизирует до боли очевидную парадигму нашей преходящей экзистенции, и если надвигающийся войлочный вечер, за чьи фалды фрака цепляется уравни-

²⁴ Жена (*ит.*).

тельница-ночь, – это прощительное время для обостренного ощущения человеческой хрупкости и неизбежной, будь она неладна, кончины, если первые послеполуденные часы столь же логично вмещают в себя сходные мысли, а эхо полуденного пушечного залпа, как при отите, долго отдается у тебя в ушах, то понятия корнфлексовой *tristesse*²⁵, йогуртового отчаяния *prima fascie*²⁶ нелогичны, а то и оскорбительны в качестве метафор. И указанная нелогичность точит поутру зубы этой черной собаки, а в ее слюне пеной бешенства закипает ирония.)

– Оливер, – его явно смутил мой отпор. – Это Стюарт.

– Стюарт, – повторил я и тут же решил выиграть время. – Извини, мне послышался какой-то Тютя.

На это он не отреагировал и только спросил:

– Как жизнь?

– Жизнь, – ответил я, – это, в зависимости от твоей философии, либо великая иллюзия, либо единственно возможный способ существования.

– Старина Оливер – все тот же! – восхищенно хохотнул он.

– А вот это, – нашелся я, – вопрос не только философский, но и физиологический. – И прочел ему краткую импровизированную лекцию насчет кинетики обновления клеток и вероятной пропорции оливеровских тканей, сохранив-

²⁵ Печаль (*фр.*).

²⁶ Изначально (*лат.*).

шихся от артефакта, который мельком видел мой собеседник
сколько-то тысячелетий тому назад.

– Я тут подумал: хорошо бы встретиться.

И только в этот миг до меня дошло, что он не фантасма-
горическая эманация моего утреннего настроения и даже –
ненадолго признавая «мир» таким, каким он видится мно-
гим, – звонит мне отнюдь не по межгороду. Стю-беби... мой
пузанчик Стю... вернулся в город.

Да так... Стюарт

СТЮАРТ: Похоже, Оливера ошарашил мой звонок. Ну, я считаю, ничего удивительного. Звонящий всегда больше задумывается о личности вызываемого абонента, чем наоборот. Некоторые имеют привычку, набрав номер, говорить: «Привет, это я» – как будто в целом мире существует одиозное «я».

Прошу прощения, это немного не в тему.

Оправившись от первого потрясения, Оливер спросил:

– Как ты нас вычислил?

Немного поразмыслив над таким вопросом, я ответил:

– По телефонному справочнику.

Чем-то мой ответ его рассмешил, и он захихикал, точь-в-точь как прежде. Это были смешки из прошлого, и очень скоро я к ним присоединился, хотя, в отличие от него, и не усматривал в этой ситуации особого комизма.

– Старина Стюарт все тот же, – выдавил он наконец.

– Отчасти, – сказал я, подразумевая: не спеши с выводами.

– Это как? – Характерный оливеровский вопрос.

– Ну, прежде всего, поседел.

– Неужели? Кто это утверждал, что ранняя седина – пер-

вый признак шарлатана? Один из остряков и щеголей. – Он стал сыпать именами, но у меня не было желания выслушивать весь список.

– Кем только меня не называли, но обвинение в шарлатанстве явно беспочвенно.

– Ах, Стюарт, это же не о тебе лично, – сказал он, и я, пожалуй, ему поверил. – Такое обвинение, брошенное в твой адрес, не выдерживает никакой критики. Оно дырявое, как дурашлаг. Хоть процеживай в нем...

– Как насчет четверга? Просто до этого меня не будет в городе.

Он сверился с несуществующим ежедневником – я без труда распознаю такие уловки – и нашел для меня окно.

ДЖИЛЛИАН: Прожив с человеком некоторое время бок о бок, всегда понимаешь, если он недоговаривает, верно? И точно так же распознаешь, когда он не слушает или вообще предпочел бы уйти в другую комнату... и еще много чего.

Меня всегда умиляло, как Оливер копит новости, чтобы со мной поделиться, и заходит издалека, совсем по-детски, неся их перед собой в ладонях. По-моему, в этом отчасти проявляется его натура, а отчасти – нехватка впечатлений. Но одно я знаю наверняка: Оливеру хорошо удалась бы роль успешного человека; как ни смешно это звучит, она бы его ничуть не испортила. Я действительно так считаю.

Как-то раз сели мы ужинать. Оливер приготовил пасту с

томатным, кажется, соусом.

– «Двадцать вопросов», – объявил он, и я сразу приготовилась слушать.

Мы пристрастились играть в эту игру – не в последнюю очередь потому, что она растягивает общение. Ну, у меня-то не бывает для Оливера такого количества рассказов, я весь день торчу в мастерской: то вполуха слушаю радио, то болтаю с Элли. В основном о ее проблемах с молодым человеком.

– Так-так, – сказала я.

– Угадай: кто сегодня звонил?

И я не задумываясь выпалила:

– Стюарт.

Действительно не задумываясь. Не задумываясь, в частности, о том, что сломала кайф Оливеру. Он посмотрел на меня как на мошенницу или предательницу. Не мог поверить, что ответ пришел мне в голову сам собой.

Повисла пауза, и через некоторое время Оливер недовольно спросил:

– Хорошо: какого цвета у него волосы?

– Какого цвета у Стюарта волосы? – переспросила я, как будто мы вели совершенно обыденный разговор. – Какие-то мышасто-каштановые.

– Неправильно! – вскричал он. – Уже седые! У кого сказано, что это первый признак шарлатана? Нет, не у Оскара. У Бирбома? У его брата? У Гюисманса? У старика Жори-

са-Карла?..

– Вы с ним виделись?

– Нет, – ответил он: не то чтобы торжествующе, но так, будто он опять главный; я пропустила это мимо ушей – зачем провоцировать лишние размолвки.

Оливер ввел меня в курс дела. Предположительно, Стюарт женился на американке, заделался бакалейщиком и поседел. Я говорю «предположительно», поскольку Оливер при сборе новостей не особо стремится к точности. Кроме того, он не выяснил существенные подробности: надолго ли приехал Стюарт, с какой целью, где остановился.

– «Двадцать вопросов», – повторно объявил Оливер. Его немного отпустило.

– Давай.

– Какие специи, травы и другие полезные добавки, питательные вещества или приправы я включил в этот соус?

С двадцати раз я не угадала. Наверное, не очень старалась.

А позднее задумалась: как это я сразу догадалась насчет Стюарта? И почему вздрогнула, услышав, что он женат? Нет, тут все не так очевидно. Одно дело – если он просто «женат»: стоит ли удивляться, тем более по прошествии десяти лет? И совсем другое – если он женат на американке: потому-то я и вздрогнула. Все это весьма туманно, но вдруг, на какой-то миг, все прояснилось.

– Почему именно сейчас? – спросила я в четверг, когда Оливер собирался в бар на встречу со Стюартом.

– Что значит «почему именно сейчас?». Уже шесть часов. А мы договорились на полседьмого.

– Да нет: почему сейчас? Почему Стюарт прорезался именно сейчас? После такого долгого отсутствия. Десять лет спустя.

– Думаю, помириться хочет. – (Не иначе как я вытаращилась на него с недоуменным видом.) – Как говорится, прощения ищет.

– Оливер, это мы перед ним виноваты, а не он перед нами.

– Да ладно, – безмятежно сказал Оливер, – много крови утекло с тех пор.

Потом он издал нечто похожее на клекот и захлопал крылышками-локтями, как цыпленок, – таким способом он обычно сообщает: «я полетел». Однажды я позволила себе заметить, что цыплята не летают, но он сказал, что в этом отчасти и заключена соль шуток.

СТЮАРТ: Я небольшой поклонник тактильных контактов. Нет, разумеется, одно дело – рукопожатие и совсем другое – секс: противоположный край спектра. Есть еще предварительные ласки, которые мне тоже по нраву. Но хлопки по плечу, приветственные объятия, удары по бицепсам, вся эта интерактивная сфера поведения человека – которая, если вдуматься, ограничивается *мужским* поведением, – увы, не по мне. Впрочем, в Штатах это не играло роли. Окружающие принимали меня за своего соотечественника, но стоило

мне произнести: «К сожалению, я просто зажатый бритт», как они сразу въезжали, начинали хохотать и с новой силой хлопать меня по плечу. И это было нормально.

А Оливер вечно норовит положить тебе ладонь на запястье. Использует любую возможность пройти под ручку. При встрече расцелует в обе щеки, но самое милое дело – это облапать с обеих сторон, поближе к вискам, женское лицо и сплошь облобызать – от такого зрелища меня просто воротит. А он в этом видит себя. Будто хочет доказать, что он тут самый раскованный, этакий герой-любовник.

Так что в момент нашей встречи после десятилетнего перерыва меня совершенно не удивила его реакция. Встав со стула, я протянул руку, он ее пожал, но отпускать не спешил и левой рукой поглаживал мне предплечье. Легонько стиснул локоть, чуть сильнее – плечо, добрался до моей шеи, на которую тоже надавил, и под конец взьерошил мне затылок, словно акцентируя мою седину. Увидев такое приветствие на киноэкране, вы бы заподозрили, что Оливер – мафиозо, который усыпляет мою бдительность, чтобы его сообщник беспрепятственно подкрался ко мне сзади с удавкой.

– Что тебе взять? – спросил я.

– Пинту «Череполома», мой старый друг.

– Знаешь, я не уверен, что здесь подают «Череполом». Но у них точно есть «Белхейвен Ви Хеви». Или ты предпочитаешь «Пелфорт Эмберли»?

– *Стю-арт*. Шутка. «Череполом». Шутка.

– Ну ладно, – сказал я.

Он спросил у бармена, какие вина продаются по бокалам, несколько раз покивал и заказал большую порцию водки с тоником.

– А ты ничуть не изменился, дружище, – сообщил мне Оливер.

Да, в самом деле, разве что на десять лет постарел, подел, избавился от очков, сбросил десять кило по специальной методике и, кроме того, перешел на американскую одежду и обувь. А так – да, все тот же старина Стюарт. Может, конечно, он имел в виду внутреннюю сущность, но для таких выводов ему еще далеко.

Вам, кстати, тоже.

– «*Non illegitimi carborundum*»²⁷, – посоветовал он, но мне показалось, что его-то как раз и потоптали некие выродки.

Волосы у него были прежней длины, такого же черного цвета, но лицо несколько увяло, а льняной костюм (один в один, что характерно, с тем, который он носил десятью годами ранее) пестрел от пятен и клякс: десятилетие назад в этом, наверное, просматривалась некая богемность, но теперь – только неряшливость. На ногах у него были лакированные черно-белые штиблеты. Сутенерские туфли – правда, стоптанные. Так что выглядел он именно как Оливер, только опустившийся. Но с другой стороны, изменился, наверное, я сам. А он, весьма вероятно, остался прежним –

²⁷ Не дай выродкам тебя растоптать (лат.).

просто виделся мне теперь иначе.

Он поведал, что произошло с ним за минувшее десятилетие. На первый взгляд представил все в розовом цвете. Джиллиан после их возвращения в Лондон вполне преуспела. У них две дочери – родительская гордость и радость. Квартира в престижном, динамичном районе. Да и у самого «в работе пара кинопроектов».

Что, впрочем, не позволило ему в свой черед заказать выпивку для нас обоих (уж простите, что заостряю внимание на таких подробностях). Не скажу, что он засыпал меня вопросами, но в какой-то момент полюбопытствовал, как там моя «Зеленая бакалея». Я сказал, что она... приносит доход. Меня не с ходу осенила такая формулировка, но я хотел, чтобы Оливер услышал именно это. Можно ведь было сказать «увлекательное занятие», или «непростая штука», или «трудоемкое дело», или «порядочная холера» – да что угодно, однако вопрос его был поставлен так, что я выбрал слово «доход».

Он покивал, но с некоторой обидой, будто узрел прямую связь между теми, кто добровольно отдает свои деньги за лучшие органические продукты «Зеленой бакалеи», и теми, кто не желает отдавать свои деньги Оливеру на поддержку «пары кинопроектов». Как будто мне, поборнику принципа доходности, впору стыдиться такой несправедливости. А я, видите ли, не стыжусь.

И еще кое-что. Вы замечали, что в некоторых случаях дру-

жеские отношения застревают в той точке, где начались? К примеру, в семье, где женщина в глазах старшего брата остается «младшей сестренкой», хотя давно вышла на пенсию. Так вот, между нами с Оливером такого не случилось. Ну, то есть в пабе он по-прежнему обращался со мной как с младшей сестренкой. Для него все осталось как раньше. Но для меня-то – нет.

Через некоторое время я перебрал в уме кое-какие вопросы, которых он не задал. В былые годы меня бы это немного задело. Сейчас – нет. Нисколько. Интересно, заметил ли он, что я не спрашиваю о Джиллиан. Рассказ его я выслушал, но сам с вопросами не лез.

ДЖИЛЛИАН: Софи делала уроки – и тут домой пришел Оливер. Он был нетрезв – не то чтобы вдрызг пьян, но, видимо, пропустил пару стаканчиков на пустой желудок. Сценарий не нов: мужчина возвращается домой и ожидает, что за одно это ему поставят памятник. Потому что в подкорке у него сидит холостяцкая жизнь, когда приятный вечер мог беспрепятственно длиться до утра. От этого он начинает проявлять некоторые признаки... даже не знаю чего... агрессии, досады, которые вызывают у тебя ответную досаду: ведь ты, в конце-то концов, не запрещаешь ему ходить по барам и даже не стала бы возражать, приди он еще позже, хоть к ночи, поскольку тебе порой хочется спокойно провести вечер наедине с детьми. Обстановка мало-помалу накаляется.

– Папа, где ты был?

– В пабе, Соф.

– Ты пьяный?

Оливер стал шататься, изображая пьяного, и дышать на Софи, которая ладошкой разгоняла тяжелый дух и делала вид, что падает в обморок.

– А с кем ты напился?

– Да есть один старый приятель. Старый хрыч. Из американских плутократов.

– Кто такие плутократы?

– Те, которые зарабатывают больше меня.

«Иначе говоря, все остальные», – подумала я.

– А он тоже напился?

– Напился? Еще как – у него даже контактные линзы из глаз выпали.

Софи засмеялась. Я ненадолго расслабилась. И напрасно. Как вы думаете, у детей в такие минуты действительно прорезается некое чутье?

– А как его зовут?

Оливер покосился на меня:

– Да так... Стюарт.

– Какое смешное имя: Датак Стюарт.

– Он и сам смешной. Во всех отношениях, притом что ничего смешного в нем нет.

– Ну, папа, ты совсем пьяный.

Оливер снова на нее дыхнул, Софи опять захихикала, но

вроде бы собралась вернуться к своим тетрадкам.

– А кто он такой, откуда взялся?

– Кто?

– Датак Стюарт Плутократ.

Оливер снова покосился в мою сторону. Я так и не поняла, заподозрила Софи что-то неладное или нет.

– Кто такой Датак Стюарт? – Оливер переадресовал вопрос мне.

Вот спасибо, подумала я. Хочешь остаться чистеньким. И еще мне подумалось: сейчас не время выяснять отношения.

– Просто знакомый, – туманно ответила я.

– Это само собой разумеется, – не по возрасту здраво рассудила Софи.

– Иди поешь, – бросила я Оливеру. – Иди спать, – точно так же бросила я дочке.

Они оба знают за мной такой тон. Я тоже знаю и стараюсь им не злоупотреблять. Но что еще остается в подобных случаях?

Повозившись на кухне, Оливер вернулся в комнату и принес огромный сэндвич с картошкой фри. Когда-то он купил себе фритюрницу, которой до смешного гордится, потому что в нее встроено некое подобие фильтра для поглощения запаха. Разумеется, совершенно бесполезное.

– Секрет хорошего сэндвича с картошкой фри, – завел он, причем далеко не в первый раз, – состоит в том, чтобы от горячей картошки таяло масло на булочке.

– Зачем?

– Чтобы по рукам текло.

– Ну-ну. Так что там Стюарт?

– Ах да, Стюарт. Цветет и пахнет. Суров. При деньгах.

Не дал мне заплатить за спиртное – плутократия в голову ударила, ты же понимаешь.

– Нет, думаю, нам с тобой этого не понять.

По словам Оливера, Стюарт все тот же, разве что стал плутократом и порядочным занудой, который за пивом разговаривает почти исключительно про свиней.

– Вы еще будете встречаться?

– Не договаривались.

– Ты взял у него телефон?

Глядя на меня, Оливер слизнул с тарелки масло.

– Он не дал.

– То есть отказался дать?

Оливер пожевал и театрально вздохнул:

– То есть я ни разу не удосужился спросить, а он ни разу не удосужился предложить.

У меня отлегло от сердца. И ничего, что Оливер пришел в раздражение. Как видно, Стюарт приехал всего на пару дней.

А вот хочу ли я с ним встретиться? – возник у меня вопрос после этого разговора. Ответа я до сих пор не знаю. Как правило, решения принимаются мною легко – должен же хоть кто-то в доме обладать таким умением, – но в сложных ситуациях мне всегда хочется, чтобы за меня решил кто-

нибудь другой.

Просто неохота думать, что возникнет такая ситуация.

ТЕРРИ: У меня друзья живут на Заливе. Они рассказывали, как работают ловцы крабов. На промысел выходят затемно, примерно в полтретьего ночи, и возвращаются только под утро. Натягивают леску, до четырехсот с лишним метров длиной, через каждые несколько метров – грузило, к нему крепится приманка. Приманкой обычно служат кусочки угря. Потом начинают выбирать леску – тут требуется глазомер и значительная сноровка. Крабы впиваются в угря, но краб не дурак: он не допустит, чтобы его почем зря взметнули в воздух и бросили в корзину, правда же? Поэтому, когда краб уже оказался у поверхности воды, но еще не успел отцепиться, ловец должен незаметно опустить в воду сачок и захватить добычу.

Как говорит моя подруга Марселль: ничего не напоминает?

СТЮАРТ: Как вы расцениваете поведение Оливера? Только честно? Я сам не знаю, чего ожидал. Наверное, чего-то такого, в чем сам не могу себе признаться. Но скажу так. Я не ожидал *ничего*. Я не ожидал: «Привет, Стюарт, дружище, чертяка, сколько лет, сколько зим, да, конечно, можешь меня угостить, а затем повторить, премного благодарен, мил-человек, и еще стаканчик, а в паузах я буду учить

тебя жизни – начну там, где остановился». Собственно, это я и подразумеваю, когда говорю «ничего». Но видимо, я проявил некоторую наивность.

В жизни есть много такого, о чем напрямую не скажешь, вы согласны? Например, что твои друзья тебе чем-то неприятны. Точнее, что они тебе приятны и в то же время неприятны. Естественно, Оливера я исключил из числа друзей. Хотя он, по всей вероятности, до сих пор считает меня другом. Понимаете, да, в чем загвоздка: А считает Б своим другом, тогда как Б не считает А своим другом. С моей точки зрения, дружба зачастую оказывается сложнее брака. Притом, что для большинства вступление в брак – это серьезный рубеж, правда? На кону вся твоя жизнь, ты говоришь: вот он я, вот моя судьба, я отдам тебе все, что у меня есть. Имея в виду не земные блага, а душу и сердце. Иначе говоря, мы ставим цель – сто процентов, так? А на деле, скорее всего, столько не получим; или же получим все сто процентов, но лишь на время, а потом согласимся на меньшее, хотя первоначальная цифра будет маячить в полный рост. Раньше это называлось «идеал». В наши дни, как я понимаю, говорится «намеченный показатель». А потом, когда произойдет сбой, когда показатель опустится ниже намеченного уровня – скажем, ниже пятидесяти процентов, – придется обсуждать такую меру, которая называется «развод».

Но дружба-то не поддается регламентации, правда? Познакомились, прониклись взаимной симпатией, нашли об-

щие занятия – и вы уже друзья. Никакие ритуалы не нужны – ни клятвы, ни определения показателей. Подчас люди становятся друзьями в силу того, что у них есть общие друзья. Случается, что друзья расстаются на годы, потом встречаются – и разлуки как не бывало, а иным приходится выстраивать дружбу заново. И разводов здесь не бывает. Нет, разрыв, конечно, возможен, но это совсем другое. А Оливер просто-напросто решил, что мы сумеем начать с того, на чем завершили... нет, не так: с той далекой точки, которая *предшествовала* завершению. Что до меня – я хотел присмотреться, что да как.

И увидел, если коротко, следующее. Предложил, что возьму нам выпить, и он попросил «Череполом». Я спрашиваю: может, «Белхейвен Ви Хеви» подойдет? Он смеется мне в лицо за такую педантичность и отсутствие чувства юмора. «Шутка, Стюарт, шутка». А суть вот в чем: Оливер даже не знает, что есть такой шотландский эль – «Скаллсплиттер», то есть «Череполом». Производится на Оркнейских островах, обладает прекрасной бархатистой консистенцией. Кто-то сказал, что этот эль по вкусу напоминает сдобный кекс. С изюмом. Именно поэтому я и предложил заменить его «Белхейвеном». Но Оливеру это невдомек, он даже мысли не допускает, что я могу знать больше, чем он сам. Что нынче я могу знать чуть больше, чем десять лет назад.

ОЛИВЕР: Ну, как вы расцениваете моего солидного друж-

бана? К ответу на этот вопрос, как и на многие другие, можно прийти верхами, а можно – низами, и в один прекрасный день вы застучаете Оливера, когда тот будет затягивать липучки на своих кроссовках с пружинистой подошвой, чтобы влиться в стремнину демоса. *La rue basse, s'il vous plaît*²⁸. Мы сейчас не обсуждаем нравственный облик вышеупомянутого индивида – мы лишь бесцеремонно запрашиваем информацию. Скажи-ка, Стюарт: не богат ли наш зеленщик на «зелень»? Когда мы с ним зашли промочить горло и утолить жажду, я, исключительно из соображений такта, не стал вытягивать из него всю подноготную касательно его пребывания в Стране Доходов, но про себя, не скрою, подумал, что такой прилив оборотного капитала, какой, подобно венецианскому паводку, плещется у его ног, вполне позволяет ему – поменяем местами города-государства – уподобиться щедрому семейству Медичи и направить ручеек бабла в мою сторону. В жизни творческого человека бывают такие периоды, когда он не стыдится обнаружить свою извечную роль благополучателя. Искусство оплачивается страданием; золоченый шнур связывает по рукам и ногам. А у некоторых все своим чередом: что ни день, «долларес» в дом.

И я сознаю, что в мире, которым правят блокнот полицейского, свидетельское место в неоготическом зале и корявая рука на Библии, то есть в мире доблестных поборников истины, Стюарт не выглядит, строго говоря, солидной фигурой.

²⁸ Низом, пожалуйста (*фр.*).

Напротив, его телесные очертания наводят на мысли о затхло-подмышечной тесноте спортзала или о духовном бесплодии домашнего тренажера-велосипеда. Не исключено, что он вдобавок жонглирует булавами, когда подпевает йодлем своей излюбленной пластинке Фрэнка Айфилда. Вы *меня* не спрашивайте. Сам я жонглирую только словами.

А кроме того, если вы заметили, я апеллирую только к субъективной истине – она куда реальнее и надежнее другой, и, согласно ее критерию, Стюарт был, есть и, главное, будет фигурой солидной. У него солидная душа, солидные принципы и, полагаю, солидный банковский счет. Не ведитесь на маломерную оболочку, которую он нынче являет миру.

Кстати, он поведал мне один интересный факт, который, возможно, связан, а возможно, и не связан с вышеизложенным. Он мне рассказал, что у свиней бывает анорексия. Вы такое знали?

ДЖИЛЛИАН: Я задала Оливеру вопрос:

– Стюарт спрашивал обо мне?

Он напустил на себя рассеянный вид. Собрался было ответить, но прикусил язык, опять изобразил рассеянность и сказал:

– А как же.

– И что ты ему ответил?

– В каком смысле?

– В том смысле, Оливер, что ты, услышав вопрос Стюарта

обо мне, наверняка дал ответ. Что именно ты ему сказал?
– А, обычную... чепуху.

Я молча выжидала – на Оливера, как правило, это действует. Но он опять впал в прострацию. Отсюда можно заключить, что либо Стюарт обо мне не спрашивал, либо Оливер забыл свой ответ, либо не захотел его повторять.

А вы как считаете, к чему сводится «обычная чепуха» в мой адрес?

Ужин

ДЖИЛЛИАН: Я тут упомянула, что к ночи мы падаем в постель, когда нам уже не до секса, – вы, надеюсь, поняли, что это шутка? Думаю, секс у нас бывает с такой же регулярностью, как в среднем по стране, хотя точными данными не располагаю. Наверное, и у вас так же... И порой это среднестатистический секс. Вы, конечно, меня понимаете. Уверена, что и у вас так бывает. Ну или скоро будет, ближе к завершению.

Организовано это следующим образом. Не так часто, как прежде (а когда Оливеру нездоровилось, то и вовсе никак). Все чаще и чаще – в одни и те же дни недели: пятница, суббота, воскресенье. Нет, это я, кажется, прихвастнула. В один из этих трех дней. Обычно в субботу: по пятницам я слишком устаю, а по воскресеньям в мыслях только понедельник. Так что остается суббота. Немного чаще – в жаркую погоду, немного чаще – в отпуске. Нельзя исключать воздействие эротического кино, хотя нынче, если честно, эффект зачашую оказывается обратным. Когда я была моложе, экранный секс будоражил кровь. А теперь сижу и невольно думаю: такого не бывает... не только у меня – вообще ни у кого. То есть кино больше не действует как афродизиак. Впрочем,

нет, на Оливера действует, и в связи с этим иногда возникают сложности.

Невольно думаешь: можно ведь отложить до следующего раза, но это самообман. Момент желания становится все более... хрупким, что ли. Смотришь какую-нибудь телепередачу, размышляешь, не лечь ли спать, потом переключаешь каналы, смотришь еще какую-нибудь ерунду, и минут через двадцать оба начинают позевывать – момент упущен. Или же одному хочется почитать, а второму нет, и второй (или вторая) лежит в полутьме и ждет не дождется, когда погаснет свет; тем временем ожидания и надежды оборачиваются легкой обидой, а момент улетучивается, вот и все. Бывает, проходит несколько дней (больше обычного), и ты обнаруживаешь, что время имеет обратную сторону: вроде бы тебе не хватает секса, но вместе с тем он мало-помалу забывается. Подростками мы считали, что все монахи и монахини втайне сексуально озабочены. А теперь мне думается: наверняка они в большинстве своем ни о чем таком не помышляют, наверняка желание просто уходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.